

Камалудин ГАДЖИЕВ

НАЦИОНАЛИЗМ В РОЛИ ИДЕОЛОГИИ

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать взаимосвязь идеологии и национализма. Показано, что эти два феномена, во многом определившие основные направления общественно-исторического развития XIX и XX вв., продолжают играть существенную роль в XXI в.

This paper attempts to identify and analyze the interconnection between ideology and nationalism. It is showed that these two phenomena, which in many respects determined the main directions of social and historical development in the 19th and 20th centuries, continue playing a significant role in the 21st century.

Ключевые слова:

нация, национальное государство, национализм, идеология, глобализация; *nation, nation-state, nationalism, ideology, globalization.*

Идеология теснейшим образом связана с формированием и институционализацией идеи нации и национального государства. Более того, в течение последних двух-трех столетий идеология и национализм дополняли и стимулировали друг друга. Не случайно они возникли почти одновременно, выражая интересы поднимающегося третьего сословия или буржуазии, что, в сущности, на начальном этапе представляло собой одно и то же.

На первый взгляд парадоксально может звучать утверждение о том, что национализм, со всей своей обращенностью в прошлое, с традициями, мифами и т.д., является ровесником и близнецом модернизации и теснейшим образом связан с промышленной революцией, урбанизацией, становлением гражданского общества и современного государства и т.д. Хотя некоторые авторы и говорят, что нация представляет собой феномен, старый как сам мир, национально-государственное строительство началось с Реформации. В современном понимании сами понятия нации, национализма, национального государства, национальной идеи сложились только в XVIII–XIX вв.

Национальное государство в строгом смысле слова лишь в течение последних примерно 200 лет играет роль главного субъекта власти и регулятора общественных и политических отношений, в т.ч. на международной арене. Германия и Италия, какими мы их знаем в современном виде, вышли на общественно-политическую авансцену лишь во второй половине XIX в. Целый ряд национальных государств (Югославия, Чехословакия, Финляндия, Польша, страны Прибалтики и др.) появились на политической карте современного мира лишь после Первой мировой войны в результате распада Австро-Венгерской, Османской и отчасти Российской империй. В этом вопросе прав Э. Геллнер, который утверждал, что национализм – это «не пробуждение древней, скрытой, дремлющей силы, хотя он представляет себя именно таковым. В действительности он является следствием новой формы социальной организации, опирающейся на полностью обобществленные, централизованно воспроизводящиеся высокие культуры, каждая из которых защищена своим государством»¹.

Распространение рыночных отношений, расширение зон свободной торговли, с одной стороны, ведут к усилению сближения разных народов, с другой – поощряют изоляционистские силы, что способствует воскрешению национализма и этнических конфликтов. Ряд важнейших установок национализма, особенно те,

ГАДЖИЕВ

Камалудин

Серажудинович –

д.и.н., профессор;

главный научный

сотрудник

ИМЭМО РАН

k.gajiev@rambler.ru

¹ Геллнер Э. Нация и национализм. – М., 1991, с. 112.

которые призваны обосновать притязания на национальное самоопределение всех без исключения народов путем создания самостоятельных национальных государств, на первый взгляд, противоречат тенденциям современного мирового развития, которое, казалось бы, характеризуется сокращением властных прерогатив национального государства в пользу наднациональных и субнациональных акторов, глобализацией и интернационализацией важнейших сфер жизни. Тем не менее в глазах миллионов и миллионов людей он сохраняет притягательность и в этом качестве служит мощным мобилизующим фактором.

В XX в. национализм приобрел универсальный характер и стал использоваться, как и идеология, для обоснования политики различных классов, слоев, социальных и политических движений, политических партий, тех или иных политических режимов, внутренней и внешней политики государства, движений и т.д. Именно в этом состояла суть и предназначение появившихся тогда понятий «буржуазный национализм», «либеральный национализм», «мелкобуржуазный национализм», «национал-шовинизм», «нацизм» и т.д.

В значительной степени именно под знаком национализма разворачивались процессы и события, в конечном счете приведшие к Первой мировой войне. Результатом самой войны явилось образование целой серии новых национальных государств, что в определенной степени подтвердило актуальность и действенность идей и принципов национального самоопределения. Конец XX в. также ознаменовался новым всплеском национализма, идей национального самоопределения и образованием множества новых национальных государств. Можно со всей уверенностью утверждать, что образное выражение Э. Хобсбаума — «сова Минервы парит над нациями вместе с национализмом» — верно применительно ко всему XX в., да и не в меньшей степени к началу XXI в.

В контексте этих доводов и аргументов представляется не совсем корректным рассматривать религиозный фундаментализм, национализм, расизм, нетерпимость во всех их проявлениях исключительно через призму истории, как некие реликты прошлого, несовместимые с настоящим, тем более с будущим. Зачастую, когда не

совсем четко представляют себе природу проявления этих феноменов в современных реальностях, они изображаются в виде некоего возрождения или пробуждения давно преодоленных тем или иным сообществом феноменов. Говорят, например, о возрождении религиозного фундаментализма, национализма, традиционализма и т.д. В результате они предстают в качестве неких фантомов, не имеющих почвы в современном мире.

Поэтому не случайно споры и дискуссии по данному вопросу в наши дни не только не утихли, но и приобрели новый импульс. Они концентрируются вокруг вопросов о том, что такое национализм и национальная идея, когда они возникли, какую именно, положительную или отрицательную, роль они сыграли в общественно-историческом процессе, какова их роль в современном и грядущем мире, что первично — нация или государство, как они соотносятся друг с другом и т.д. Естественно, что по этому вопросу, затрагивающему многие стороны жизни народов, нет и не может быть единого мнения. Были и есть такие авторы, которые, будучи убеждены в реальности и силе национализма, выступали с радикальными лозунгами предоставления всем нациям возможности создать собственное государство. Так, в определенной степени выражая популярные в тот период умонастроения, швейцарский исследователь международного права И.К. Блюнчли писал в 1870 г.: «В мире должно быть столько же государств, сколько в нем различных наций. Каждая нация должна иметь свою государственность, а каждое государство должно строиться на национальной основе»¹. Другие авторы вообще ставят под сомнение сам факт существования нации как реального феномена. К примеру, известный отечественный этнолог В.П. Тишков считает, что понятие «нация» — это не что иное, как «политический лозунг и средство мобилизации, а вовсе не научная категория». «Состоя почти из одних исключений, оговорок и противоречий, — писал он, — это понятие как таковое не имеет права на существование и должно быть исключено из языка науки. В этнокультурном смысле категориальность понятия нации утра-

¹ Цит. по: Линд М. В защиту либерального национализма // Проблемы Восточной Европы, 1995, № 43—44, с. 5.

тила в современном мире всякое значение и стала фактически синонимом этнической группы»¹. Если согласиться с таким мнением, теряет смысл также понятие «национализм». А это означало бы игнорировать некоторые существенные реалии современного мира.

Между этими двумя полюсами в оценке нации и национализма существует целая гамма идей и подходов. Как представляется, эти понятия не поддаются строгой дефиниции. Причем ни одно из существующих ныне определений нации и национализма нельзя назвать сколько-нибудь четко сформулированным и убедительным. Все они обставлены таким числом исключений и оговорок, зачастую многочисленных и настолько серьезных, что, казалось бы, не имеет никакого смысла их вычленять.

Как известно, в политическом лексиконе термин «нация» чаще употребляется в смысле нации-государства. И действительно, национализм в современном понимании предполагает политическое, а точнее, государственное начало. Общеизвестным считается тот факт, что нация как определенная форма самоорганизации человеческих сообществ теснейшим образом связана с определенным типом современного территориального государства в виде государства-нации. Как справедливо отмечал Э. Хобсбаум, «рассуждать о нациях и национальностях вне этого контекста не имеет... никакого смысла»².

Нация, этнос являются одними из важнейших традиционных опор, на которых базируется личность, тем зеркалом, через которое индивид осознает себя как члена общества и приобретает чувство самости. В национальном самосознании, национальной гордости, патриотизме и других составляющих понятия нации и производного от нее понятия национализма наряду с сугубо рациональными, научными, концептуальными и прочими началами присутствует значительный пласт традиционного, ценностного, иррационального, символического, мифологического начал. Привлекательность национализма состоит в его способности превращать совершенно банальные,

повседневные, с точки зрения постороннего человека, действия в источник национальной гордости, усматривать в них элементы проявления свободы и самовыражения. Чувство принадлежности к собственному сообществу придает смысл и значимость самой жизни, укрепляет чувство взаимной ответственности и сопричастности, уменьшая тем самым чувства одиночества и отчуждения.

Особую значимость национализму придает тот факт, что он способен абсорбировать личное недовольство, личную неудовлетворенность отдельного индивида. По-видимому, не лишены оснований доводы тех исследователей, которые считают, что индивид может «чувствовать себя защищенным в мире исторических традиций, создававших ощущение укорененности и почти племенной принадлежности»³. Люди обращаются к национализму, когда они озабочены проблемой придания смысла собственной жизни. Он органически связывает индивидуальные социокультурные приверженности людей с государством, которое способно действовать в т.ч. и как защитник и гарант сохранения национально-культурной идентичности народа.

С усложнением, модернизацией, космополитизацией, обезличиванием общества и, соответственно, потерей корней эта потребность не только не уменьшается, а при определенных условиях может многократно усиливаться. Это объясняется тем фактом, что подрыв, размывание и ослабление семьи, общины, этноса, нации ведут к стиранию традиционных различий между дозволенным и недозволенным, допустимым и неприемлемым, нормальным и ненормальным, сакральным и мирским. Национализм же несет в себе обещание восстановить нормальный порядок вещей, все снова поставить на свои места и освободить людей от страха перед современностью, а также трудной и мучительной необходимости самим принимать решения.

Национальность, чувство национальной принадлежности, национальное самосознание и, соответственно, нацию нельзя свести к какому-то одному единственному — политическому, этническому, культурному или иному — измере-

¹ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. — М., 1997, с. 85.

² Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. — М., 1998, с. 19.

³ Mosse G. *Masses and Man. Nationalist and Fascist Perceptions.* — N.Y., 1980.

нию. Здесь этническому компоненту, при всех возможных оговорках, должно быть отведено соответствующее место. Иначе как объяснить существование в одном государстве так называемых титульных и коренных народов, национальных меньшинств и т.д.? Здесь необходимо подчеркнуть, что корректнее было бы говорить скорее об этнизме, нежели о национализме в собственном смысле слова. Этот факт, по-видимому, служит свидетельством незавершенности процесса образования той или иной нации. Причем никак нельзя отрицать, что подавляющее большинство наций (если не все) образовалось вокруг какого-либо одного доминирующего этноса. Возможно, прав Э. Смит, который утверждал, что существуют два вида национализма: политический, характерный для «территориальной» нации, и этнический, относящийся к «этнической» нации¹. Как представляется, здесь корректнее было бы говорить о двух аспектах, или сторонах, национализма: государственном и этническом.

При всем сказанном следует учесть, что во многих случаях национализм выступает в качестве своеобразной оболочки для реализации конкретных интересов. Это, например, стремление участвовать в дележе материальных ресурсов, желание преодолеть психологические и идеологические комплексы и т.д. В основе стремления к национальному самоопределению или национальной независимости нередко лежали мотивы власти и статуса, политики и идеологии. Зачастую идеи права наций на самоопределение использовались теми или иными политиками или представителями национальных движений для оправдания и отстаивания своекорыстных партикулярных интересов. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что с развертыванием в стране процессов перестройки, и особенно с распадом СССР, наметилась тенденция к политизации этнонациональных отношений, или, иначе говоря, этническая самоидентификация большинства народов Российской Федерации приобрела более или менее выраженный политический характер.

При этом важно отметить, что в отечественном научном сообществе, особенно

в публицистическом и журналистском, сложились превратные представления о национализме, нередко с отрицательными коннотациями. В некоторых кругах само слово «патриотизм», отождествляемое с национализмом, стало чуть ли не ругательным. Однако, как показывает опыт истории, национализм, с одной стороны, может служить фактором мобилизации народов на борьбу за свое освобождение, осуществления творческого порыва, обеспечения жизнеспособности и дальнейшего продвижения общества по пути прогресса и благосостояния и т.д. С другой стороны, он может служить в качестве катализатора разного рода конфликтов, «холодных» и «горячих» войн, разного рода радикальных, экстремистских, сепаратистских и других движений, подрывающих социальную и политическую стабильность в обществе, основы существующих общественно-политических институтов и самой государственности и способных подготовить благоприятные условия для прихода к власти авторитарных и тоталитарных режимов.

Нельзя отрицать тот факт, что нацизм в Германии, фашизм в Италии, такие праворадикальные движения, как виджизлантизм, нейтивизм в США, разного рода идеологические течения крайне правого толка, такие как неофашизм, неонацизм и близкие им группировки во многих странах Запада, вышли из радикальных версий национализма. В этом же русле следует понимать во все более очевидной форме проявляющиеся в современном мире тенденции к политизации и идеологизации этнизма и национализма. Важно учесть также характерный для последних десятилетий их симбиоз с религией, результатом чего является появление на мировой авансцене политизированных версий не только ислама, но и других религий.

Разумеется, национализм как идеология отличается от таких идейно-политических течений, как либерализм, консерватизм, социализм, которые используются политическими партиями и господствующим в соответствующей стране политическим режимом для идеологического обоснования своих программ или политической стратегии. Как разновидность идеологии, национализм не раз и не без успеха бросал вызов основным идеолого-политическим течениям,

¹ Smith A.D. The Ethnic Origins of Nations. – Oxford, 1986, p. 138.

таким как консерватизм, либерализм, социализм и др. В то же время он аккумулирует в себе те или иные элементы всех названных течений, зачастую разбавляя их определенной долей правой и левой разновидностей радикализма. Особую актуальность и значимость он приобрел в условиях глубокого кризиса почти всех идейно-политических течений, господствовавших в течение всего XX в.

Как говорится, национализм национализму рознь. Если под национализмом понимается любовь к Родине, то в таком национализме ничего плохого нет. Возможно, прав английский журналист и исследователь А. Ливен, который утверждал, что основная проблема России сегодня — не недостаток демократии, а недостаток гражданского национализма¹. Такой национализм необходимо решительно отделять от идеологизированного радикального этнонационализма, при определенных условиях вырождающегося в шовинизм и даже черносотенство.

К примеру, как отмечают отечественные авторы М.И. Крупянко и Л.Г. Арешидзе, современный японский национализм

«есть государственная идеология, крайне востребованная властью и обществом для целей выживания нации в XXI в.». Ее можно считать как прогрессивной, так и реакционной, но при ее отсутствии «Япония была бы обречена на утрату завоеванных ею во второй половине XX в. экономических и политических позиций мировой державы»². В этом смысле можно согласиться с теми исследователями, как отечественными, так и зарубежными, по мнению которых России не хватает здорового, просвещенного национализма, принятого и освоенного большинством народа. Без такого национализма трудно представить формирование единого для всех граждан страны национального идеала, единой национально-государственной идентичности, единой гражданской культуры. Любую мировую державу, не имеющую таковых и допускающую условия для формирования различных версий этнонационализма, этнических, региональных и иных идентичностей, может постичь драматическая и печальная судьба СССР.

¹ Цит. по: Быков П., Власова О. Хороший плохой национализм // Эксперт, 2005, № 18, с. 86.

² Крупянко М.И.; Арешидзе Л.Г. Япония: идеология государственного национализма // История и современность, 2012, вып. 2.